

Религиоведение. 2025. № 3. С. 66–83.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 3. P. 66–83.

DOI: 10.22250/20728662-2025-3-66-83

Забияко А.П.

Амурский государственный университет
675027 Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 107
sciencia@yandex.ru

Пространственная организация антропосферы: реальные и воображаемые ландшафты человеческого существования

Аннотация. Существование человека и человечества многомерно. Люди заселили всю пригодную для обитания планету и создали ойкумену – географическое пространство, освоенное человечеством. В ходе эволюции возникла антропосфера – человечество во всей его совокупности и совокупности всего им произведённого или видоизменённого. В состав антропосферы входят социосфера, техносфера и другие культурные системы. Религиосфера – одна из таких культурных систем. В сложной системе пространственной организации антропосферы религиосфера является подсистемой в структуре антропосферы. Религиосфера – это совокупность сосуществующих в географическом пространстве религий во всём многообразии их объективированных форм (религиозные сообщества, институты, культовые места и т.д.). Религия в её объективированных формах является одним из сегментов, образующих сложный состав географической оболочки Земли. В географическом пространстве религия представлена в форме религиозных ландшафтов. Религиозный ландшафт – это конфигурация религиозного пространства в конкретных природных и социальных условиях существования религии. Религиозный ландшафт – пространственная конфигурация религиозных объектов – включает в свой состав физические и символические реальности, образующие многомерные синтезы действительного и воображаемого. Сакральный ландшафт – особый тип религиозного ландшафта, отличающийся от других типов ментальным модусом существования, семиотикой, аксиологическим статусом и функциями. Наличие в структуре религиозного ландшафта сакрального ландшафта отличает его от других ландшафтов антропосферы. Сознание человека способно создавать воображаемые реальности. В статье исследованы когнитивные действия, лежащие в основе создания воображаемых реальностей.

Ключевые слова: антропосфера, социосфера, религиосфера, религиозный ландшафт, сакральный ландшафт, фронтир, воображаемая реальность

Andrey P. Zabyako

Amur State University
of. 107, build. 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
sciencia@yandex.ru

Spatial Organization of the Anthroposphere: Real and Imaginary Landscapes of Human Existence

Abstract. The existence of man and humanity is multidimensional. People have populated the entire habitable planet and created the ecumene – the geographical space developed by humanity. As evolution progressed, the anthroposphere emerged – humanity in its entirety and the totality of everything it has produced or modified. The anthroposphere includes the sociosphere, technosphere and other cultural systems. One of these cultural systems is the religiosphere. In the complex system of spatial organization of the anthroposphere, the religiosphere is a sub-system within the structure of anthroposphere. The religiosphere is a set of religions coexisting in geographical space in all the diversity of their objectified forms (religious communities, institutions, places of worship, etc.). Religion, in its objectified forms, is one of the components that form the complex composition of the earth's geographic shell. In geographic space, religion exists as religious landscapes. Religious landscape is a configuration of religious space under specific natural and social conditions for the existence of religion. It is a spatial arrangement of religious objects, including physical and symbolic elements that form multidimensional syntheses of reality and imagination. Sacred landscape is a specific type of religious landscape, differing from others in its mental mode of existence, semiotics, axiological status, and functions. The presence of sacred landscapes in the structure of religious landscapes distinguishes them from other landscapes of the anthroposphere. Human consciousness is capable of creating imaginary realities. The article examines cognitive actions underlying the creation of such imaginary worlds.

Key words: anthroposphere, sociosphere, religiosphere, religious landscape, sacred landscape, frontier, imaginary reality

Ойкумена и другие объективно существующие сферы жизни человека и человечества

Существование человека и человечества многомерно. Как одна из живых систем планеты человек и человечество занимают определённое место в природном пространстве. Около 2,5 млн лет назад вставшие на путь выделения из животной среды ранние люди занимали небольшие участки Восточно-Африканского рифта – разлома земной коры, протянувшегося от Красного моря на юг на тысячи километров. Отсюда началось их движение по эволюционному пути – от *Homo habilis*, человека умелого, до *Homo sapiens*, человека разумного. Отсюда же около 2 млн лет назад началось их движение в пространстве и расселение на других материках. В итоге люди заселили всю пригодную для обитания планету, создав ойкумену – географическое пространство, освоенное человечеством. В природном пространстве ойкумена – объективная реальность, самоочевидно наблюдаемая и удостоверяемая естественнонаучными знаниями.

По мере эволюции и распространения люди создавали, заимствуя материалы из природы и биосферы, антропосферу – населяющее Землю человечество во всей его совокупности и совокупности всего им произведённого или видоизменённого. Растекаясь из Африки вместе с осваивающими новые ресурсы и территории людьми, антропосфера охватила почти всю планету. Состав антропосферы рос и усложнялся. Возникшие в её составе раньше других техносфера, социосфера и экономическая сфера прирастали религиосферой, наукоферой, политической сферой и другими культурными системами. У них тоже есть области и границы, воочию наблюдаемые и эмпирически удостоверяемые, в которых человечество существует как в объективной данности бытия.

Наука объективирована, например, в наукоёмких технологиях, словесное творчество – в тексте, живопись – в картине, религия – в социальных институтах. Совокупность образующих антропосферу объективированных проекций человеческой деятельности охватывает огромное многообразие той окружающей реальности, которая может быть эмпирически удостоверена и наблюдаема. Однако не все формы человеческой деятельности материализованы в явления физической реальности, наполняющие созданные человеком оболочки Земли. В содержании религии, искусства, науки, политики, экономики есть мыслительные конструкты, которые существуют идеально.

Субъективно существующие сферы жизни человека и человечества. Воображаемые реальности

К важнейшим когнитивным операциям человеческого сознания относятся идеализация, абстрагирование, обобщение и ряд других, благодаря которым возникают мыслительные конструкты, в материальном мире не существующие – идеальный газ, Прекрасная Дама и другие. Они создают субъективно существующие научные, художественные и иные воочию ненаблюдаемые миры антропосферы.

Фундаментальным когнитивным инструментом сознания является воображение – способность создавать в процессе переработки усвоенного прежде интеллектуального и эмоционального опыта новые представления, не имеющие прямых аналогов в действительности и прежних мыслительных результатах. Воображение – источник возникновения многих форм культуры, общий как для позитивных плодов конструирования новых представлений, так и для деструктивных мыслительных процессов, уводящих в мир иллюзий и фантазмов.

Действуя вместе, когнитивные процессы идеализации, абстрагирования, обобщения, воображения и ряд других (метафоризации, символизации, т.д.) создают духовные составляющие антропосферы: семиосферу – сферу смыслов, соединяющих отдельных людей, группы или всё человечество в единомыслящее целое; имагосферу – сферу образов, чувственно-конкретных представлений, единых для отдельных групп или человечества. Семиосфера и имагосфера в своём первичном бытии существуют вне физической реальности. Руководствуясь их содержанием в качестве модели действия и мотивации, индивиды, группы, человечество экстериоризируют смыслы и образы в объекты физически существующих компонентов антропосферы. К сожалению или к счастью для людей, не всё содержание семио- и имагосферы может вынесено в области физической реальности.

Итак, сознание, с одной стороны, отражает внешнюю и внутреннюю реальность, а с другой стороны, творчески преобразует её в смыслах и образах. В процессе когнитивного освоения одной реальности человек способен выходить за её границы и конструировать на основе имеющихся представлений новую реальность. Так возникает ситуация множественной реальности, в которой существуют человек и человечество. Она включает в себя объективно и субъективно существующие, физические и воображаемые реальности.

Воображаемые реальности вовлечены в научные, религиозные, художественные, философские и иные миры, которые наполняют разным содержанием и в разных сочетаниях освоенное человечеством пространство. Одной из культурно-географических рефлексий над симбиозом физических и воображаемых реальностей являются представления о Востоке и Западе.

Воображаемые реальности выступают также составной частью делириозных представлений, которые являются следствием психического расстройства индивида или группы. «Воображение, оставленное разумом, порождает невообразимых монстров...» (Ф. Гойя). Нередко делириозные реальности выходят за рамки индивидуальных или узкогрупповых галлюцинаций, ищут и находят пути объективации, плотно и надолго заполняют своим содержанием локусы освоенного человечеством пространства.

В полном изложении мысль Ф. Гойи звучит так: «Воображение, оставленное разумом, порождает невообразимых монстров; при разуме, связанным с ним, воображение и есть исток искусства и чудес». Воображение есть также исток религии. Точнее, один из истоков, от которого берёт начало этот огромный поток духовной жизни. Оставляя в стороне проблему изоморфности на ранних ступенях религии и искусства, заметим, что между воображаемыми реальностями искусства, литературы и воображаемыми реальностями религии есть глубокая разница.

Сознание человека на базовом уровне своего функционирования создаёт, как отмечено выше, особую реальность – область представлений. Способность создавать такую область присуще не только человеку, но и некоторым другим высокоразвитым животным, которые обладают способностью к прогнозированию, планированию и некоторыми другими высшими психическими функциями мозга. Сознание человека уникально тем, что способно создавать внутри области представлений особый пространственно-временной континуум – область воображаемого. Это общий путь художественного и религиозного творчества. Но далее пути художественного и религиозного умножения реальностей расходятся. Создавая особый – религиозный способ пересотворения реальностей, сознание наделяет область воображаемого статусом объективной реальности. Более того, оно возводит область воображаемого в положение объективной реальности высшего порядка, сверхреальности. В процессе рациональной переработки образа воображаемой сверхреальности сознание создаёт особую онтологию, систему представлений о бытии, соединяющем в своём составе две реальности – реальности обыденной, физической, и реальности сверхобыденной, экстраординарной, первичной, высшей.

Бывает, конечно, что сознание художника начинает воспринимать созданный им воображаемый мир как объективно сущую высшую реальность. Оставаясь один на один со своим воображением, оно погружается в мир фантазмов и оказывается в их власти. Как правило, это ведёт либо к религиозноподобным следствиям, либо к делирию. Такие игры разума и их плоды – цена неспособности управлять ситуацией множественной реальности. Сходные процессы не редкость в других областях сознания, где есть место разгулу воображения – в философии, науке, политике и т.д. Ярким примером воображаемых реальностей в политическом сознании является представление об Америке как «граде на холме» – один из столпов политической мифологии и гражданской религии США.

Виртуальная реальность, страна Киберия и киберрелигия

К современным порождениям научного сознания относится виртуальная реальность. Креативное сознание человека, взяв на вооружение кибертехнологии, презентовало новую область бытия – виртуальную реальность.

С одной стороны, виртуальная реальность является одной из составных частей антропосферы, функционально встроенной в выполнение поставленных людьми целей. Виртуальная реальность объективно дана человеку как проекция его знаний, культуры и условий жизни в смоделированную компьютерами среду. Человек, вступающий в контакт с данной областью бытия, осознаёт высокую степень её значимости и содержательности – это огромный сложноорганизованный мир, заключающий в себе новые большие возможности. Созданные на базе цифровых технологий плоды человеческого творчества породили, по выражению Т. Лири, страну Киберию. Киберия – это образное понятие для обозначения некоего ранее не существовавшего пространства, киберпространства. Киберпространство – особое измерение реальности, созданное посредством компьютерных технологий и существующее в искусственно созданной компьютерными программами среде.

С другой стороны, осваивая виртуальную реальность, человек способен в своём сознании менять её статус, наращивать свойства, экстраполировать в неё содержание других известных реальностей, создавая образ фактически новой реальности – самосущей реальности виртуального сверхбытия. Киберпространство – благодатная основа для формирования представлений о сверхбытии. Киберпространство обладает своими временными и пространственными характеристиками. Киберпространство имеет свою структурную организацию, обусловленную отношениями между сетевыми цифровыми ресурсами. Это пространство имеет не только структурность, но и протяженность, заданную в реальном мире расположением своих технических баз, а в виртуальном мире сформированную отношениями между цифровыми объектами. Наряду с универсальными для любого типа пространства свойствами структурности и протяженности киберпространство обладает собственными, совершенно особенными качествами, которые сущностно отличаются от качеств того пространства, в котором протекает обычная жизнь людей. Пользуясь интернет-сленгом, можно сказать, что киберпространство качественно отличается от пространства «реала». Киберреальность – вторичная реальность, проекция условий человеческого бытия в искусственную среду, созданную посредством цифровых технологий.

Создатели цифровых технологий прилагают максимум усилий для того, чтобы при помощи всё более совершенных технических средств создать у пользователя всё более полное ощущение того, что виртуальный мир ни в чем не уступает «реалу». Человеческое сознание, обладающее свойством множить реальности, способно превращать это ощущение в представление, что виртуальный мир живет своей собственной жизнью – это в прямом смысле другой мир. Такое представление закрепляется в интуитивной или рационально проработанной онтологии кибербытия, в которой высокотехнологичные творения человеческого разума утрачивают зависимость от человека и обретают статус самосущего бытия.

Киберпространство с пребывающим в нём «всеведаящим» и «всемогущим» искусственным интеллектом создаёт и последовательно наращивает ощущение превосходства виртуального мира над обыденной средой, в которой живут люди. В современной культуре это ощущение уже давно художественно раскрыто в бесчисленных фэнтези, оно всё чаще рационализируется в научных и околонаучных прогнозах господства киберсущностей – искусственного интеллекта и других.

Онтология киберреальности, в которой высокотехнологичные творения человеческого разума утрачивают зависимость от человека и обретают статус самосущего бытия, – портал, открывающий прямой путь к киберрелигии. Киберрелигия – религиозная формация, в которой компьютерные технологии наделяются статусом сверхценности, качествами священных объектов и атрибутами божественных сущностей; виртуальная реальность превращается в высшую реальность, сверхценное инобытие, доминирующее над миром человеческих возможностей. Искусственный интеллект занимает в ней место божества. Возникнув в конце XX в., киберрелигия стала данностью современного мира, одной из наиболее значимых разновидностей религии и органической частью глобальной страны Киберики [Забияко, 2012].

Такая динамика находит объяснение в быстрых темпах распространения информации, а также в мощных способах влияния на массовое сознание, порожден-

ных веком информационных технологий. Но в своих основных закономерностях и содержании процесс формирования киберрелигии типичен для генезиса религии.

Создание картины мира на основе иерархии реальностей – объективных и воображаемых – фундамент креативной деятельности религиозного сознания.

Религиосфера: формирование и эволюция

Религиозная ментальность, основанная на представлениях об иерархичности множественной реальности, выражает результаты своей деятельности в объективных и субъективных данностях человеческого существования. Одной из объективных данностей является религиосфера.

В сложной системе пространственной организации антропосферы религиосфера является подсистемой в структуре антропосферы. Религиосфера – это совокупность сосуществующих в географическом пространстве религий во всём многообразии их объективированных форм (религиозные сообщества, институты, культовые места и т.д.). Религия в её объективированных формах является одним из сегментов, образующих сложный состав географической оболочки Земли. Именно в таком модусе существования мы её сейчас изучаем. Разумеется, есть другие модусы, которым соответствуют другие интерпретации и другой понятийный аппарат. Наше исследование следует в русле археологии, антропологии и географии религии [Забяко, 2024; Забияко, 2025].

Религиосфера динамична в своём содержании, структуре и границах. Она существует, согласно современным данным, со времени около 130–100 тыс. л.н., с мустьерской эпохи среднего палеолита, на что указывают древнейшие захоронения на горном хребте Кармель (Израиль). В пещере Схул выявлены человеческие останки с признаками погребального культа. Орудия относятся к неандертальскому типу культуры, а останки – к неандертальскому антропологическому виду (*Homo neanderthalensis palestinensis*), возможно, с признаками присутствия *Homo sapiens*, т.е. метисации этих групп раннего человечества. В коллекцию находок входят древнейшие украшения в виде просверленных окрашенных раковин и фрагменты красной охры, использование которой могло иметь функциональный и символический смысл [D'Errico, 2010]. В этом районе в пещере Кафзех найдены аналогичные по времени захоронения, выполненные в ходе погребальных ритуалов (особый способ трупоположения, охра, погребальный инвентарь). Рядом на открытой стоянке Нешер Рамла обнаружены с датировкой около 120 тыс. л.н. гравированные фрагменты костей зубра, связанные, возможно, с ранним культом зубра [Prévost, 2022]. В Африке использование охры в переплетении технологических и символических, ритуальных функций зафиксировано на ряде сходных по времени памятников, к наиболее ранним относится пещера Бломбос (ЮАР) с датировкой 90–70 тыс. л.н. [Velliku, 2025]. Очевидно, ранние признаки религиогенеза находятся в очагах африканской прародины человечества и Левантийского коридора, через который древние популяции *Homo* выходили на просторы Евразии, достигнув около 50 тыс. л.н. Австралии.

В Евразии объекты, созданные в ходе религиозных практик в период от 70 тыс. л.н. до финала среднего палеолита, встречаются регулярно. Они присутствуют в местах обитания всех трёх видов раннего человечества. Неандертальцами оставлены многочисленные ритуальные погребения (Регурду, около 70 тыс. л.н., Франция; Шанидар, 70–50 тыс. л.н., Иран; т.д.), пещерные наскальные изображения – отпечатки ладоней, нефигуративные знаки (Мальтравиесо, 66,7 тыс. л.н.; Ардалес, 65,5 тыс. л.н.; Пасиега, 64,8 тыс. л.н.; др.), пещера с признаками медвежьего культа (Драхенлох, около 50 тыс. л.н., Швейцарские Альпы). Денисовцами на Алтае в Денисовой пещере около 45 тыс. л.н. выполнены замечательные образцы украшений и других предметов, среди которых фигурка льва, имеющая отношение к зоолатрии [Дервянко, 2019]. Ранние популяции *Homo sapiens* причастны к созданию на пещерных стоянках ритуальных предметов мобильного искусства – подвесок (Костенки, около 42 тыс. л.н., Русская Равнина; Подзвонкая, 44–42 тыс. л.н., Забайкалье; т.д.), костей с зооморфными изображениями (Эль Кастильо, около 42 тыс. л.н., Кантабрия), зооантропоморфных скульптур (Человеколев, Холенштайн, Швабская Юра, около 40 тыс. л.н.; т.д.). В Тихом океане в пещерах на островах Борнео и Сулавеси присутствуют крашенные отпечатки ладоней с возрастом 50–40 тыс. л.н. Эти и многие

другие местонахождения маркируют общие контуры религиосферы среднего палеолита в эпоху мустье.

С переходом к начальному верхнему палеолиту (в отдельных регионах – около 45 тыс. л.н.) и после 42 тыс. л.н. в период широкого распространения верхнего палеолита материальные следы ритуальной деятельности (захоронения с элементами погребального культа, святилища, наскальные изображения, культовая скульптура и украшения, т.д.) являются типичной составной частью освоенного человечеством пространства. Человек начал осваивать Арктику, вместе с ним расширялись пределы религиосферы. Янская стоянка (28,5–27 тыс. л.н., Якутия) коллекцией подвесок из зубов животных, зооморфных фигурок, сюжетных изображений на кости, возможно, мифологического содержания, ритуальным использованием охры маркирует географическую границу религиосферы на крайнем северо-востоке Евразии [Питутько, 2012].

Структуру палеолитической религиосферы образуют магия, анимизм, зоолатрия, фертильный культ (женские и мужские – гендерные культы), тотемизм, погребальный культ, обряды перехода и шаманизм. В социальном отношении, в социосфере, они были соотнесены с племенными и семейно-родовыми культами.

В эпоху верхнего палеолита ранние популяции *Номо*, палеоантропы, уходят в прошлое. Антропосфера становится миром людей современного анатомического типа – носителей «поведенческой современности», для которых символическое поведение, искусство, религиозно-мифологические представления и ритуальные практики являются универсальной характеристикой культуры. В этот период углубляется расовая и культурная дифференциация человечества, которая постепенно ведёт к формированию этнических групп. По мере формирования стабильных групп, обладавших признаками этноса, возникали этнолокальные религии. Этнолокальная религия – тип религии, ограниченный определенной этнической средой.

В течение следующих тысячелетий и исторических эпох религиосфера динамично менялась в своих географических границах, внутренней структуре и внешних взаимодействиях с другими составляющими антропосферы. С зарождением и развитием государств, политосферы, возникают государственные культы. Государственные культы – верования и практики, в которых религиозные идеи и действия сращиваются с государственной идеологией и деятельностью, образуя синкретическое религиозно-этикетское мировоззрение.

Миграции народов, экономические обмены, появление огромных полиэтнических по составу государств, а также развитие религиозных представлений о божестве, отношениях Бога и человека, Бога и народов создало условия для появления мировых религий. В эпоху Средневековья определились географические контуры религиосферы, её религиозная структура и региональная дистрибуция религиозных групп. Сложилась, образно говоря, общая карта религий мира.

Духовное содержание религиосферы образуют особые – религиозные – семиосфера и имагосфера. Важнейшие религиозные смыслы выстраиваются вокруг представлений об инобытии как доминирующей по отношению к посюстороннему миру реальности. В разных типах религиозной ментальности они эксплицируют себя в концептах сакрального – профанного, божественного – человеческого, абсолютного – относительного, небесного – земного, высшего – низшего, истинно сущего – иллюзорно сущего и т.п. Важнейшие религиозные образы созданы благодаря когнитивным операциям метафоризации, антропоморфизации, олицетворения, персонификации и некоторым другим; в религиозной имагосфере они представлены отдельными мифологическими образами и композициями пантеонов, пандемониумов, бестиариев, деифицированных личностей, сакральных фигур и т.д. В структуру религиозной ментальности входит также эмоционально-волевая составляющая, состоящая из религиозно мотивированных чувств и установок. Вместе эти три компонента – религиозная семиосфера, имагосфера и эмоционально-волевая сфера образуют религию как духовную формацию. В деятельности людей они экстериорируют свое содержание в разных областях религиосферы и за её пределами.

Религиосфера, будучи подсистемой в структуре антропосферы и социосферы, является одним из наиболее действенных факторов их трансформаций.

Появление новых религий, цивилизаций, государств, демографических диспропорций, крупных этнических миграций меняло линии старых религиозных границ и создавало новые религиозные фронтиры, по-новому размежевывающие антропо- и социосферы земного пространства. В XXI в. эти процессы приобрели ускоренные темпы и конфликтогенный характер ломки традиционного религиозного ландшафта.

Ландшафт, религиозный ландшафт, фронт

Пространственная организация религии – сложная система, включающая религиозно маркированные физические и символические объекты, реальные и воображаемые явления. К важнейшим относится религиозный ландшафт.

Понятие *ландшафт* имеет долгую историю в языке и науке, эволюционируя от слова общеупотребительной лексики к категории эстетики и термину науки, первоначально – географии [Багана и др., 2014]. Из культурной географии понятие перешло в области гуманитарного знания, где ныне широко используются в вариантах *исторический ландшафт*, *литературный ландшафт*, *археологический ландшафт* и т.п. [Буржуа, 2014].

В зарубежной науке о религии исследования в этой области начаты в середине XX в. [Поплавский, 2024]. Понятие *религиозный ландшафт* (religious landscape) широко используется как для описаний религиозной ситуации в мире, так и в отдельных странах. Оно включено в географические, демографические, социологические, политические, религиозные контексты глобальных и страноведческих исследований

Исследования религиозного ландшафта являются отдельным направлением современной географии религии в России. В этой области объединяются усилия археологов, историков, географов, религиоведов, социологов, этнографов [Веденин, Кулешова, 2004; Громов, 2005; Главацкая, 2008; Дутчак и др., 2013; Сафронов, 2013; Окладникова, 2014; Давыдов, 2016; Дашковский, 2018; Островская, Алексеева, 2018; Топчиев, 2019; Горохов, 2020; Захаров, 2020; Березницкий, 2021; Подорога, 2021; Пелевина, 2024]. Достигнуты хорошие результаты в изучении не только относительно небольших локусов пространства (городов, посёлков, т.п.), но и значительных по объёму территорий – Алтая и примыкающих регионов Сибири, Центральной Азии [Дашковский, 2014]. Предложены теоретические подходы и соответствующие термины [Манькова, Нечаева, 2020].

Междисциплинарный характер исследований, различия научного дискурса специалистов, с одной стороны, обогащают результаты, с другой – ведут к разночтениям в понятийном аппарате, трудностям сведения данных в единую систему знаний и т.д. Терминологические затруднения осложняются лексическими особенностями употребления слова *ландшафт*, в семантическом составе которого за долгую историю накопились географические, историко-культурные, художественно-эстетические и прочие значения вплоть до метафорических. Использование его в качестве термина требует уточнений.

Во избежание переноса исходного смысла в результате свободного перетолкования или метафоризации слова *ландшафт*, следует придерживаться первичного значения – архисемы слова, выражающей его сущностные признаки. Архисема слова ландшафт заложена в его этимологии: «В основе понятия “ландшафт” лежит древне-индоевропейское слово в его немецком варианте. Слово “ландшафт” имеет немецкое происхождение – так, нем. Land – земля, schaft – суффикс, выражающий взаимосвязь, взаимозависимость. Как видно, этимология термина говорит о том, что ландшафт – не просто земля, а совокупность земель (земельных участков)» [Багана и др., 2014, 138]. Т.о., архисема слова выражает представление об особой организации земли, территории. Понятие ландшафт как категория научного дискурса не «процессуальное», не «ситуационное», не «коммуникационное», не «эстетическое», а пространственное. Ландшафт – форма пространственной организации природных и антропогенных оболочек Земли.

Религиозный ландшафт – это конфигурация религиозного пространства в конкретных природных и социальных условиях существования религии. Социальные условия включают исторические, культурные, этнические и иные контексты.

Природная и социальная среда своими особенностями определяют конфигурацию религиозного пространства, но не формируют её полностью. Религиозное сознание и деятельность не являются инертным результатом географической или социальной среды, как это предполагается в концепциях географического или социального детерминизма. Религия пассионарна по отношению к объективным условиям своего существования. В этом ракурсе понимания религиозный ландшафт – это способ пространственной организации религии в конкретных природно-социальных условиях существования.

К основным составляющим религиозного ландшафта относятся географические и исторические границы (хронотоп), религиозная структура (морфология) и социальное содержание (социостатистика). Морфология религиозного ландшафта складывается из разновидностей религиозных объектов и связей между ними. Социостатистика религиозного ландшафта образована социально-антропологическим составом населения.

Основная функция религиозного ландшафта – манифестация опредмеченного духовного содержания религии в социоприродном пространстве.

Результаты такого опредмечивания изучают, кроме географов и религиоведов, представители других гуманитарных наук – археологии (ландшафтная археология), этнографии (этнокультурное ландшафтоведение), культурной антропологии (антропология ландшафта), инвайронментальной социологии (инвайронментальное ландшафтоведение) и т.д.

Конфигурации религиосферы разномасштабны и неоднородны. Их описание предполагает построение системы классификаций. Религиозный ландшафт – базовая таксономическая единица для построения общей классификации и типологии конфигураций религиозного пространства.

В географическом ракурсе классификация видов религиозного ландшафта строится на иерархически упорядоченной системе движения от глобального религиозного ландшафта к региональным (например, географическим, государственным, этническим и т.п.). Хронологический ракурс определяется временной последовательностью и историческими периодами существования религиозных ландшафтов (например, палеолитическая, неолитическая, древняя, средневековая или иная фиксируемая в историческом времени конфигурация религиосферы).

В религиозном ракурсе система классификации религиозного ландшафта строится на нескольких таксономических группах, состав которых определяется типологией религий. Существующие научные типологии существенно отличаются, но в целом в контексте задач географии религии они могут быть сведены к трем основным. К первому типу относятся исторические виды религии в виде верований – магия, анимизм, тотемизм, шаманизм и т.д. Ко второму типу принадлежат социально-исторические виды религии – родоплеменные, этнолокальные, мировые и т.п. К третьему типу относятся религии в виде вероисповеданий – конфессий. В системе этих трёх типологий в зависимости от объекта исследования варьируется и далее дифференцируются таксономические группы в соответствии с последовательной конкретизацией предметной области.

В исследовании религиозного ландшафта в мировой и российской практике наиболее широко представлены исследования в области конфессиональных ландшафтов. В глобальном масштабе реконструкции религиозного ландшафта они сочетаются с континентальными проекциями, в государственном – с территориально-административными структурами, а также с другими способами районирования религии.

Каждый религиозный ландшафт имеет внешние границы – линии соприкосновения с другими религиозными ландшафтами и внутренние границы, заданные конфигурацией верований, конфессий, конфессиональных групп или институтов.

В современной научной терминологии применительно к пограничным состояниям социосферы нередко применяют понятия *фронтир*, *порубежье*. В научной семантике и прагматике они более точны, чем слово *граница*. Известно, что понятие фронтир (англ. frontier) одним из первых применил в контексте научных исследо-

ваний американский историк Фредерик Дж. Тёрнер, который в 1893 г. прочитал на заседании Американской исторической ассоциации доклад «Значение фронта в американской истории», а позднее издал книгу «Фронт в американской истории», ставшую классикой американской исторической и политической мысли [Тёрнер, 2009]. В последние десятилетия это понятие вошло в русскоязычную научную лексику, приобретая иногда далёкие от исходного лексического значения и вложенных Тёрнером смыслов толкования. В целом этот процесс отражает обогащение понятия и его необходимую операционализацию в соответствии с прагматикой.

Ф. Дж. Тёрнер в своём истолковании понятия *фронт* исходил тех первичных значений, которые в это слово были вложены официальными документами учёта расселения белых мигрантов на Западе США – «фронт для заселения», т.е. участок свободной земли, ещё не занятой переселенцами. Движение переселенцев сопровождалось захватом земель и обустройством поселений, поэтому для Тёрнера фронт – это «экспансия» и «непрерывно продвигающаяся вперёд передовая черта поселения». В системе представлений Тёрнера – типичного носителя ментальности англо-саксонских колонистов, фронт – это «внешний край волны – место контакта дикости и цивилизации». Культурная динамика формирования фронта определяется примитивизацией – переходом от сложных форм к простым, менее цивилизованным. «Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заострённой палкой; он издает боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронта на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспосабливается к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадёт по индейским тропам» [Тёрнер, 2009, 13–15]. Важнейшая мысль Тёрнера заключалась в том, что именно в пределах фронта сформировались ядро американской нации и её важнейшие институты – политические, экономические, идеологические. Трактовы Ф. Дж. Тёрнера отражают специфику североамериканской истории и англо-саксонской ментальности. Использование понятия *фронт* в других контекстах предполагает его переосмысление [Кузнецов, 2016; Бостан, 2018].

Фронт – это локус пространства, территория, возникающая в результате движения населения, расширения пределов государства и создания новой контактной зоны на границах новоприобретённых земель, в пределах которой происходит взаимодействие с соседними этническими группами, политическими образованиями, цивилизациями. В русскоязычной культуре термин фронт в значительной мере синонимичен русскому понятию порубежье. Однако синонимия понятий фронт и порубежье не абсолютна. Для научного дискурса термин фронт удобен конкретностью своих пространственных смыслов. Понятие порубежье тоже включает в себя вполне конкретные пространственные значения, однако, вместе с тем, обладает другими смыслами и коннотациями, важными для русской ментальности.

В русскоязычной культуре порубежье – не обязательно пространственная категория, конкретизируемая в понятиях региона, «зоны освоения», территории. Порубежье – это также темпоральная категория. В своём предельно общем содержании понятие порубежья – категория онтологическая. В онтологическом смысле порубежье – это сопряжение форм бытия. В ракурсе человеческого существования порубежье – это бытие на стыке своего и чужого, освоенного и неосвоенного, познанного и непознанного, старого и нового. Порубежье – предел существования одной формы бытия, здесь она заканчивается. Вместе с тем здесь – начало иного бытия, ситуация его актуального присутствия. В порубежном состоянии человек пребывает сразу в двух формах бытия одновременно. Заметим, что смыслы русского понятия порубежье более объемны, глубоки и психологичны, чем те значения, которые вложены в

термин фронтир. Возможно, отчасти это обусловлено тем, что в русской истории и ментальности порубежье как объективная данность и категория сознания занимает более важное место, чем фронтир в американской истории и ментальности [Забяйко, 2016].

Порубежье – неустранимая данность русского пространства, русского мира и цивилизации. Порубежье определяет пространственный и духовный континуум существования русских. На протяжении своей истории русские раздвигали границы своего существования – территориальные, культурные, духовные, создавая новые пространственные, этнокультурные и духовные сопряжения с нерусским миром. После 1581 г., когда казаки Ермака вышли в Сибирь, дрейф физических и духовных порубежных поясов в течение трехсот лет определял состояние страны и народа. В середине XVII в. на востоке России возникает дальневосточное порубежье, дальневосточный фронтир, политический контур которого стабилизировался в середине XIX в. заключением договоров с Китаем и продажей Аляски. Дальневосточный фронтир – это существующее на Дальнем Востоке пространство прямых контактов России и других стран на сопредельных территориях; это пояс контактов между народами Дальнего Востока, порубежье дальневосточных культур. Доминантой дальневосточного фронта является линия взаимодействия России и Китая, русских и китайцев, российской и китайской цивилизаций. Религия – часть этих взаимодействий, формирующих религиозный ландшафт фронта. Религиозный ландшафт дальневосточного фронта – пространственная конфигурация религиозных явлений на порубежной территории России и сопредельных стран дальневосточного региона. Кроме политических, экономических, этнических, культурных и религиозных модусов существования у дальневосточного фронта, как и у всякого иного, был мифологический слой бытия [Забяйко, 2011].

В процессе движения конфессиональных общностей, религиозно ориентированных государств и культур религии перемещаются в пространстве. Дрейф религий – естественное состояние прошлого и настоящего религиосферы. Дрейф религий является важным фактором генезиса, эволюции и деструкции религиозных ландшафтов. Религиозный ландшафт, как отмечено выше, включает внешние и внутренние границы – религиозные фронтиты. Религиозный фронтир – это локус пространства, контактная зона взаимодействия разных религиозных верований и практик, конфессиональных групп и институтов.

Описанные выше классификации и типологии религиозного ландшафта в целом едины в том, что они представляют религиосферу в её опредмеченной материальной и социальной форме. Магические, тотемистические, родоплеменные, мировые и другие разновидности религиозного ландшафта существуют и фиксируются в физическом пространстве в форме наблюдаемых объектов – культовых мест, ритуальных сооружений и действий, социальных институтов, групп и т.д. Наряду с этим религия включает в своём содержании идеальные объекты, имеющие отношение к символическому пространству. К ним относится сакральный ландшафт.

Сакральный ландшафт

Религиозный ландшафт – пространственная конфигурация религиозных объектов – включает в свой состав физические и символические реальности, образующие многомерные синтезы действительного и воображаемого. Сакральный ландшафт – особый тип религиозного ландшафта, отличающийся от других типов ментальным модусом существования, семиотикой, аксиологическим статусом и функциями. Наличие в структуре религиозного ландшафта сакрального ландшафта отличает его от других ландшафтов антропосферы.

Для понимания сущности, генезиса и специфики сакрального ландшафта следует ещё раз вернуться к констатации того, что базисным свойством сознания является способность к умножению реальностей и построению многомерной картины мира. Сознание конструирует многомерную картину мира в качественно неоднородном хронотопе. Во временном континууме сосуществуют время и вечность. В пространственном континууме совмещаются физические и воображаемые реальности. Религиозное сознание, действующее по общей когнитивной модели пересотворения окружающего мира, способно наделять состояния времени и локусы пространства

особым качеством – святости, сакральности [Забияко, 1998, 2012]. Заметим, что в разных традициях научного или религиозного дискурса есть различия в семантике и прагматике употребления понятий *святое*, *священное*, *сакральное*, но в контексте географии религии допустимо использовать их как синонимы.

Священное – мировоззренческая категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Опираясь на представления о священном, человек переносит качество святости на объекты внешнего или внутреннего мира – сакрализует их. Сакрализация – акт наделения объекта свойством святости, исключительности, сверхценности. Это основополагающая операция религиозного сознания, обуславливающая формирование важнейших религиозных представлений, действий и институтов. Благодаря сакрализации в сознании складывается совокупность представлений об объектах, общим признаком которых выступает обладание святостью, что составляет фундаментальный уровень религиозного сознания. Объектами сакрализации могут выступать индивиды (реальные или вымышленные), социальные нормы и институты, природные объекты и силы, феномены психики, мыслительные, вербальные или поведенческие акты, изготовленные человеком предметы и т.д. Результатом сакрализации является изменение статуса и природы объекта, влекущее за собой трансформацию отношения к нему со стороны общества. Объект сакрализации переходит в сферу сакрального и сам становится сверхценностью; поскольку в религиозном сознании святое воспринимается как отделенное от обыденного, постольку сакрализация – выведение объекта за пределы повседневного опыта в особую сферу, охраняемую запретами и регламентациями. Сакрализация – изъятие из области профанного бытия.

В ходе пространственной организации религии происходит сакрализация пространственных объектов и, следовательно, создание в картине мира топосов, которые отделены от хода обыденной жизни и воспринимаются как особо ценные, требующие предельного уважения. Сакральное пространство, иеротопос – состояние или локус пространства, обладающие качеством *святости*.

Священное пространство – исторический феномен, ранние представления о котором значительно отличались от понимания, свойственного позднейшим религиям. Археологические данные свидетельствуют, что к числу древнейших топосов пространственной среды, с которыми связаны первичные представления о священном пространстве, относятся погребения, пещерные петроглифические комплексы, ритуальные места экспонирования культовых образцов мобильного искусства, медвежьи пещеры и ряд других.

Сакральный ландшафт – локальная конфигурация сакрального пространства, представляющая собой двуединую целостность социоприродных объектов и религиозно-мифологических смыслообразов, наделяющих данное место качеством святости. Морфология, семантика и функции сакрального ландшафта обусловлены мифологическим содержанием религиозного сознания. Сакральный ландшафт – проекция религиозно-мифологической картины мира в природно-географическое окружение и социальную среду. Мифологический текст, вербальный в своей исходной форме, в конфигурациях сакрального ландшафта превращается в визуальный текст, видимыми знаками которого выступают природные и рукотворные объекты. Правила чтения сакрального ландшафта заданы соответствующим ему мифологическим нарративом.

Проекция мифологии в физическое пространство пересотворяет реальность. На раннем этапе – природную. Полости пещер превращаются в «алтарные залы», скалы – в фигуры окаменевших духов, природный рельеф – в части тела героев-демиургов, в конце концов всё мироздание – в фигуру божественного Первотворца. В ходе эволюции технологий и социума в пространстве сакральных ландшафтов растёт доля антропогенных объектов – изваяний, зданий, мемориальных и ритуальных комплексов и т.д. вплоть до городов (святые Афины) и государств (Священная Римская империя, *Sacrum imperium Romanum*).

Мифологические вариации на тему священных топосов образовали богатейшую мировую коллекцию природно-исторических ландшафтных памятников.

Онтологический статус сакрального ландшафта, как и религиозного ландшафта, получает в научных интерпретациях разные трактовки. «Объяснительные модели понятия «религиозный ландшафт» и его составляющих в основном строятся на тех же подходах, что и в культурном ландшафтоведении, – представлении об объекте исследования как об объективно существующей реальности, создаваемой людьми, или как об образе, сформированном в сознании людей»; эта ситуация проблематизирована метафорой «двуликого Януса» [Манькова, Нечаева, 2021, 95]. Бытие в сопряжении физической и идеальной, объективной и субъективной реальностей – естественное состояние символических объектов. В этом состоянии нет или/или. Символические объекты в идеальном модусе бытия существуют в сознании, в своих чувственно-конкретных воплощениях они материализуются в физическом мире. Это состояние двумирия есть неделимая двуединая природа религиозного и сакрального ландшафта.

В структуре сакрального ландшафта центральное место занимает святилище. Оно может быть представлено одним или несколькими взаимосвязанными объектами. Святилище – это место, обладающее священным статусом; это пространственный объект, выделенный из области повседневной жизни и предназначенный для выполнения регулярных культовых действий, направленных на связь со священными сущностями и силами. Святилище отличается от мирских и религиозных пространственных объектов совокупностью идеальных (духовных) и материальных (физических) характеристик. В идеальном плане, в религиозном сознании, святилище – ценность высокого порядка, земное местопребывание духов или богов, средоточие магических сил, вызывающее чувство благоговения и требующее чрезвычайно почтительного отношения. В материальных признаках святилище – пространственный объект, как правило обособленный от других объектов естественными или искусственными границами, не имеющий утилитарного назначения, содержащий в своих пределах культовые предметы или следы регулярных ритуальных действий.

В культовой практике функцией святилища является обеспечение регулярного отправления ритуалов. В мировоззренческом плане функция святилищ состоит в структурировании картины мира и формировании у носителя религиозной культуры сети пространственных ориентаций, соответствующих религиозно-мифологической картине мира. В разных исторических, культурных и этнических контекстах святилища и сакральные ландшафты выполняют широкий спектр других функций, важных для нерелигиозных областей жизни – конструирования групповой идентичности, усиления групповой солидарности, укрепления исторической памяти и т.д. [Громов, 2005; Окладникова, 2014; Березницкий, 2021].

Религиозные группы, превращая пространство в религиозный ландшафт, в соответствии со своими космогоническими, космологическими, историческими представлениями размещают на территории знаки присутствия сверхценных явлений – существ, сил, событий. Человеческие коллективы маркирует земное пространство качествами, символическими объектами и топонимами, подтверждающими наличие в окружающем мире сверхчеловеческого измерения пространства. В ритуальных действиях религиозный ландшафт становится сценой, на которой по мифологическим сценариям реализуется человеческая потребность в сопричастности сверхчеловеческому, сверхбыденному и сверхценному. Эта потребность – одно проявлений базисной для человека потребности в преодолении наличествующих условий существования, потребности в свободе.

Размечая религиозными качествами, объектами и топонимами окружающие пространство, религиозные группы создают религиозную топографию – религиозную систему описания окружающего мира. Религиозная топография возникла в качестве одного из древнейших способов ориентации людей в пространстве и пространственной организации жизнедеятельности. Ранние тексты религиозной топографии представлены архаическими мифологическими космогониями и космологиями, которые позднее в народной культуре бытуют в фольклорных формах сказок, былин, эпоса. По мере рационализации знания мифологическая традиция пополняется древними географическими, историософскими, натурфилософскими сочинениями. В Китае – «Каталог гор и морей», в Греции – трактаты Страбона, Геродота

и Платона, в Риме – Помпония Мелы и т.д. Первая русская летопись – «Повесть временных лет» начинается с описания священной истории обустройства народов и вер в географическом пространстве. В дальнейшем религиозная топография развивается в текстах итинерариев, травелогов, агиографии и иных – вплоть до фэнтези, смыкающих современную квазигеографию воображаемых пространств с архаической мифологией и сказкой.

С термином *сакральный ландшафт* взаимосвязаны понятия одного семантического ряда – *сакральная топография*, *сакральная география*, *иеротопия* и ряд других, базовый смысл которых задан признаком святости. Следует оговорить, что присутствующая в некоторых исследованиях синонимизация понятий религиозный ландшафт и сакральный ландшафт некорректна. В религии не всё священо, а в священном не всё религиозно.

География воображаемых реальностей

Силой воображения религиозное сознание в физическом и социальном мире преобразует географические локусы пространства, создавая религиозные и сакральные ландшафты. Об этом шла речь выше. Однако способность сознания создавать реальности, отличающиеся хронотопом и статусом, далеко выходит за границы пересотворения окружающей действительности. Креативность сознания позволяет ему творить онтологически иные по отношению к природному, социальному и человеческому мирам реальности.

Религиозное содержание представлений об онтологически ином бытии – одна из ключевых тем разных направлений религиозной философии, теологии, эстетики, литературного творчества. Проблема *иного*, его онтологического статуса и манифестаций занимает важное место в феноменологии религии. Для Р. Отто, М. Элиаде и многих феноменологов религии *Иное* – самосушая Абсолютная реальность, источник религиозного опыта и явленных форм религии. Согласно такой трактовке, категория инаковости в религиозном сознании является отражением встречи человека и *Иного*, в акте которой *совершенно иное* (*Ganz andere*) своими земными манифестациями открывает свое присутствие [Забияко, 1998].

Возможны, конечно, другие интерпретации когнитивных механизмов формирования представлений об инаковости, а также религиозной интуиции *Иного*. К когнитивным операциям формирования представлений об *ином* и категории *инаковости* относятся различение, абстрагирование, абсолютизация, ассоциация, метафоризация и ряд других. Базовой моделью различения и обобщения признаков объекта является модель дихотомии, формирующая бинарные оппозиции.

Одним из результатов деятельности общепсихологических когнитивных процессов и дихотомичности мышления является картина мира, в которой выделяются не только верх – низ, правое – левое, земля – небо, сущее – несущее, близкое – далёкое и т.д., но и посюстороннее – потустороннее. Представление об инаковости имеет в своем исходном религиозном виде пространственные признаки. Пространственная оппозиция посюстороннее – потустороннее первична и фундаментальна для религиозного сознания. Оппозиция естественное – сверхъестественное важна, но её роль в построении религиозных онтологий вторична и ограничена особыми типами религиозного сознания. Дихотомия *посюстороннее* – *потустороннее* универсальна.

Религия производна от способности сознания создавать потусторонние реальности – пребывающие вне земного мира пространства, в которых присутствуют силы и существа, обладающие властью над посюсторонним миром. Воображение включается в процесс творения потусторонних реальностей и посредством общих когнитивных механизмов метафоризации, антропоморфизации, а также особых операций деификации, сакрализации, тератоморфизации и других достраивает картину мира образами иной, не явной для физических органов чувств реальности, которая обладает своими собственными основаниями бытия, могуществом и властью над человеком и посюсторонним миром.

Первые признаки генезиса религиозных представлений об инобытии возникают в эпоху среднего палеолита. Их фиксируют посмертные манипуляции с мёртвым телом, предполагающие переход умершего в иной мир, где смерть превратится

в жизнь. Появление в переходный период от среднего палеолита к верхнему палеолиту зооантропоморфных, тератоморфных петроглифических и скульптурных изображений существ – инаковых по отношению к животным и людям, свидетельствует о возникновении представлений о существовании инаковой по отношению в посюстороннему миру среды их обитания. В этот период возникают способы организации пещерного пространства, направленные на выделение дальних и труднодоступных коридоров, залов в особые локусы, предназначенные для демонстрации присутствия иноплеменных существ. Здесь находились изображения этих существ – их «вместилища». Такие участки были ограждены от повседневной человеческой деятельности и предназначены для иных по отношению к ней действий – ритуалов.

В дальнейшем архаические представления об инобытии, о потустороннем пройдут длительный путь эволюции. Воображение человека в разных частях света и разных культурах создаст огромный красочный калейдоскоп образов потусторонних пространств и неомирных ландшафтов. Большинству из них свойственна общая структурная упорядоченность в моделях двойной или тройной композиции: близкое земное посюстороннее – далёкое земное потустороннее (труднодоступные участки гор, дальние острова, водные глубины, т.п.); неземное потустороннее нижнего, подземного мира – земное посюстороннее среднего мира – неземное потустороннее верхнего, небесного мира. Эти двух- или трёхструктурные композиции реальных и воображаемых реальностей являются общим каркасом религиозно-мифологических картин мира. Религиозно-философские и теологические конструкты мироустройства могут помещать композиции реальностей в более сложные системы пространственных координат, построенные на движении от конкретному к абстрактному и погружении во тьму апофатизма. При существенных композиционных отличиях все модели едины в аксиологии потусторонней реальности – она сверхценна.

Религиозная ментальность основана на способности создавать иерархии воображаемых реальностей, в системе которых человек обретает особое измерение бытия – потустороннее сверхбытие. В таком ракурсе понимания религия является духовной формацией, в основе которой лежат представления об инобытии как доминирующей по отношению к обыденному, земному миру реальности. Благодаря креативности сознания воображаемые реальности никогда не бывают простой копией первой, в их содержание включаются даром воображения, силой комбинаторного мышления и логикой религиозной ментальности новые компоненты. Логика «пралогического мышления» вскрыта Л. Леви-Брюлем, логика бриколажа описана Л. Леви-Строссом, многими зарубежными мыслителями представлены другие когнитивные механизмы конструирования воображаемых реальностей. Ярким примером синтеза религиозных и художественных способов воссоздания пересотворяющей пространство деятельности религиозной ментальности являются литературные произведения М. Элиаде («Запретный лес», «Загадка доктора Хонигбергера», др.). В России ранее этих подходов или параллельно с ними появились эмпирически репрезентативные и теоретически фундированные концепции В.Г. Богораза о «двойственном мышлении», С.М. Широкогорова о «психоментальном комплексе», В.Я. Проппа о «первобытном мышлении» и т.д.

Воображение может трансформировать географию физических и воображаемых пространств, произвольно совмещая разные локусы пространства или, напротив, произвольно их разбедняя. В религиозных ландшафтах особое значение имеют места контакта посюсторонней и потусторонней реальностей или, напротив, границы разрывов между ними. В религиозной топографии эти места отмечены признаками чуда, силы, святости, божественности или бесовщины, жизнотворности или смертоносности. Обычно это необычные места природного ландшафта – вершины гор, полости пещер, причудливые скалы, водотоки и водоемы и т.п. объекты, расположение, внешний вид которых или игра воображения располагают к наделению их признаками инаковости.

В научной картине мира религиозный ландшафт является результатом деятельности людей, поэтому он – одна из разновидностей антропогенного ландшафта, специфический тип пространственной организации антропосферы. В религиозной картине мира религиозный ландшафт в его отдельных объектах и пространствен-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

II Благодарность 1 364

Acknowledgement

- 80

15. Дутчак, Е.Е. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования / Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Е.А. Ким, Т.В. Полежаева // Сибирские исторические исследования. – 2013. – № 1. – С. 79–90.
16. Забияко, А.А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов / А.А. Забияко. // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 154–170.
17. Забияко, А.П. Категория святости. Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций / А.П. Забияко. – М.: Издательский дом «Московский учебник», 1998. – 205 с.
18. Забияко, А.П. Топография священного / А.П. Забияко // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 1. – С. 123–136.
19. Забияко, А.П. Порубежье как данность человеческого бытия / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.
20. Забияко, А.П. География религии: объект, предмет, междисциплинарность / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2025. – № 6. – С. 172–185.
21. Захаров, И.А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки / И.А. Захаров. – М.: Институт Африки РАН, 2020. – 148 с.
22. Кузнецов, А.М. Символические границы общественных систем / А.М. Кузнецов // Введение в исследование границ / Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – С. 82–100.
23. Манькова, И.Л. Концепт «религиозный ландшафт» — «двуликий Янус» в современных исторических исследованиях / И.Л. Манькова, Ю.М. Нечаева // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 2 (67). – С. 89–98.
24. Окладникова, Е.А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования / Е.А. Окладникова. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 230 с.
25. Островская, Е.А. Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта / Е.А. Островская, Е.В. Алексеева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 2. – С. 71–115.
26. Пелевина, О.В. Сакральный ландшафт в картине мира духовных христиан-прыгунов Приамурья (по материалам публикаций А.В. Кириллова в периодических изданиях 1880–1890 гг.) / О.В. Пелевина // Религиоведение. – 2024. – № 4. – С. 114–123.
27. Питулько, В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики / В.В. Питулько, Е.Ю. Павлова, П.А. Никольский, В.В. Иванова // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 33–102.
28. Подорога, В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков / В.А. Подорога. – М.: Канон+, 2021.
29. Поплавский Р.О. Ландшафтная концепция и география религий (на материалах англоязычной географии) / Р.О. Поплавский, Ф.С. Корандей, М.С. Черепанов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2024. – № 88 (1). – С. 90–99.
30. Сафронов, С.Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России / С.Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2013. – № 4 (42). – С. 87–100.
31. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.
32. Топчиев, М.С. Православный ландшафт Дальнего Востока: сравнительный анализ / М.С. Топчиев. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Философская антропология, философия культуры – 2019. – № 3 (60). – С. 142–147.
33. D’Errico, F. Pigments from the Middle Palaeolithic levels of Es-Skhu (Mount Carmel, Israel) / F. D’Errico, H. Solomon, Ch. Stinger Vignaud // Journal of Archaeological Science. – 2010. – Vol. 37. – No 12. – P. 3099–3110.
34. Prévost, M. Early evidence for symbolic behavior in the Levantine Middle Paleolithic: A 120 ka old engraved aurochs bone shaft from the open-air site of Nesher Ramla, Israel / M. Prévost, I. Groman-Yaroslavski, K.M. Crater Gershtein et al. // Quaternary International. – 2022. – Vol. 624. – P. 80–93.
35. Velliky, E.C. Unveiling the multifunctional use of ochre in the Middle Stone Age: Specialized ochre retouchers from Blombos Cave / E.C. Velliky, F. D’Errico, K.L. van Niekerk, Ch.S. Henshilwood // Science Advances. – 2025. – Vol. 11. – Issue 26. – Eads 2797.

Текст поступил в редакцию 10.02.2025.

Принят к печати 07.03.2025.

Опубликован 30.09.2025.

References

1. Bagana Zh., Taranova E.N., Taranov A.O. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus]. 2014, no. 2, pp. 138–143 (in Russian).
2. Ban'kovskaya S.P. *Invajronmental'naya sociologiya* [Environmental sociology]. Riga: Zinatne, 1991, 130 p. (in Russian).
3. Bereznickij S.V. *Etnografiya* [Ethnography]. 2021, no. 4 (14), pp. 211–231 (in Russian).
4. Bostan K.A., Kuznecov A.M. *Oikumena* [Oikumene]. 2018, no. 1, pp. 73–84 (in Russian).
5. Burzhua Zh. et al. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2014, no. 14 (60), pp. 106–119 (in Russian).
6. D'Errico F., Solomon H., Vignaud Ch. Stinger. Pigments from the Middle Palaeolithic levels of Es-Skhul (Mount Carmel, Israel). *Journal of Archaeological Science*. 2010, vol. 37, no. 12, pp. 3099–3110.
7. Dashkovsky P.K. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 4, pp. 26–36 (in Russian).
8. Dashkovsky P.K. *Religioznyj landshaft Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov Central'noj Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014, vol. 1, 214 p. (in Russian).
9. Davydov V.N. et al. *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkijskikh landshaftah. Otnosheniya cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri* [Fire, water, wind and stone in the Evenki landscapes. The relationship between man and nature in Baikal Siberia]. St. Petersburg: MAE RAN, 2016, 196 p. (in Russian).
10. Derevyanko A.P. et al. *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2019, vol. 25, pp. 103–108 (in Russian).
11. Dutchak E.E. et al. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research]. 2013, no. 1, pp. 79–90 (in Russian).
12. Glavackaya E.M. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2008, no. 4, pp. 76–82 (in Russian).
13. Gorohov S.A. *Geografiya religij: cikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of religions: cycles of development of global confessional space]. Moscow: YuNITI-DANA, 2020, 235 p. (in Russian).
14. Gorohov S.A. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology]. 2019, no. 3, pp. 439–467 (in Russian).
15. Gromov V.D. *Enciklopediya sakral'noj geografii* [Encyclopedia of Sacred Geography]. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2005, pp. 5–50 (in Russian).
16. Kuznetsov A.M. *Vvedenie v issledovanie granits* [Introduction to the study of boundaries]. Ed. by S.V. Sevast'yanov, Yu. Lajne, A.A. Kireev. Vladivostok: Dal'nauka, 2016, pp. 82–100 (in Russian).
17. Man'kova I.L., Nechaeva Yu.M. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2020, no. 2 (67), pp. 89–98 (in Russian).
18. Okladnikova E.A. *Sakral'nyj landshaft: teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Sacred landscape: theory and empirical research]. Moscow: Direkt-Media, 2014, 230 p. (in Russian).
19. Ostrovskaya E.A., Alekseeva E.V. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. 2018, no. 2, pp. 71–115 (in Russian).
20. Pelevina O.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2024, no. 4, pp. 114–123 (in Russian).
21. Pitul'ko V.V. et al. *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. 2012, no. 2, pp. 33–102 (in Russian).
22. Podoroga V.A. *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoj kul'ture XIX–XX vekov* [Metaphysics of landscape. Communicative strategies in the philosophical culture of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Kanon+, 2021 (in Russian).
23. Poplavskij R.O., Korandey F.S., Cherepanov M.S. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical series]. 2024, no. 88 (1), pp. 90–99 (in Russian).
24. Prévost M. et al. Early evidence for symbolic behavior in the Levantine Middle Paleolithic: A 120 ka old engraved aurochs bone shaft from the open-air site of Neshar Ramla, Israel. *Quaternary International*. 2022, vol. 624, pp. 80–93.
25. Safronov S.G. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies]. 2013, no. 4 (42), pp. 87–100 (in Russian).
26. Topchiev M.S. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. Filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury* [The Caspian region: politics, economy, culture. Philosophical anthropology, philosophy of culture]. 2019, no. 3 (60) pp. 142–147 (in Russian).
27. Turner F.J. *The frontier in American history*. N. Y., 1962 (Russ. ed.: Turner F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii*. Moscow: "Ves' Mir" Publ., 2009, 304 p.).
28. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. *Kul'turnye landshafty kak ob'ekt* [Cultural landscapes as a heritage object]. Moscow: Institut naslediya; St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2004, pp. 13–36 (in Russian).
29. Velliky E.C. et al. Unveiling the multifunctional use of ochre in the Middle Stone Age: Specialized ochre retouchers from Blombos Cave. *Science Advances*. 2025, vol. 11, is. 26, eads2797.
30. Zabiyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2011, no. 2, pp. 154–170 (in Russian).
31. Zabiyako A.P. *Evraziya: duhovnye tradicii narodov* [Eurasia: spiritual traditions of peoples]. 2012, no. 1, pp. 123–136 (in Russian).

32. Zabyako A.P. *Kategoriya svyatosti. Sravnitel'noe issledovanie lingvoreligioznyh tradicij* [The category of holiness. Comparative study of linguistic and religious traditions]. Moscow: Izdatel'skij dom "Moskovskij uchebnik", 1998, 205 p. (in Russian).
33. Zabyako A.P. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2016, no. 11, pp. 26–36 (in Russian).
34. Zabyako A.P. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2025, no. 6, pp. 172–185 (in Russian).
35. Zaharov I.A. *Geografiya religij: transformaciya konfessional'nogo prostranstva Afriki* [Geography of religions: transformation of the confessional space of Africa]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2020, 148 p. (in Russian).

Submitted for publication: February 10, 2025.

Accepted for publication: March 07, 2025.

Published: September 30, 2025.